

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, ТОМ VIII, МАРТ 1938 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ОБЪЕКТЫ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

РАЗДЕЛ А: СЕМЬЯ

ВВЕДЕНИЕ: СЕМЬЯ КАК ОБРАЗОВАНИЕ Жак – М. ЛАКАН

КУЛЬТУРНАЯ СТРУКТУРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ.

Первобытная семья как образование.

ГЛАВА 1. КОМПЛЕКС: КОНКРЕТНЫЙ ФАКТОР В ПСИХОЛОГИИ  
СЕМЬИ Жак – М. ЛАКАН

Общее определение комплекса - Комплекс и инстинкт - Фрейдковский комплекс и образ

*1. Комплекс отнятия от груди*

Отнятие от груди как прекращение вскармливания

Отнятие от груди, психический кризис

ОБРАЗ МАТЕРИНСКОЙ ГРУДИ

Отнятие от груди: специфическая преждевременность рождения.

Материнское чувство - Влечение к смерти - Семейные узы - Ностальгия по Целостности.

*2. Комплекс вторжения*

РЕВНОСТЬ, ПРОТОТИП СОЦИАЛЬНЫХ ЧУВСТВ

Мысленная идентификация - Образ подобного - Значение первичной агрессивности

СТАДИЯ ЗЕРКАЛА

Вторичность зеркального изображения - Нарциссическая структура Я

ДРАМА РЕВНОСТИ: Я И ДРУГОЙ

### *3. Эдипов комплекс*

Схема комплекса - Объективное значение комплекса

#### СЕМЬЯ ПО ФРЕЙДУ

Комплекс кастрации

ФУНКЦИИ КОМПЛЕКСА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕСМОТР

СОЗРЕВАНИЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ

КОНСТИТУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

ПОДАВЛЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ

СУБЛИМАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Оригинальность Эдипальной идентификации - Образ отца

КОМПЛЕКС И ЕГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

МАТРИАРХАТ И ПАТРИАРХАТ

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК И СЕМЕЙНАЯ ПАРА

Роль семейного образования - Упадок отцовского образа

## ГЛАВА 2. СЕМЕЙНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ПАТОЛОГИИ Жак – М. ЛАКАН

*1. Психозы с семейной темой*

*2. Семейные неврозы*

Библиография

Перевод: Иван Пронько [pronkoivan@gmail.com](mailto:pronkoivan@gmail.com)

## РАЗДЕЛ А: СЕМЬЯ

### ВВЕДЕНИЕ: СЕМЬЯ КАК ОБРАЗОВАНИЕ.

Семья, во-первых, представляется, естественной группой людей, объединенных двойным биологическим родством: воспроизведением, дающим группе ее компоненты; условия окружающей среды, необходимые для развития молодых людей и которые поддерживают группу в той мере, в какой порождающие взрослые обеспечивают ее функционирование. У животных эта функция порождает инстинктивное поведение, часто очень сложное. Нам пришлось отказаться от попыток вывести происхождение определенных таким образом семейных отношений из других социальных явлений, наблюдаемых у животных. Наоборот, последние кажутся настолько отличными от семейных инстинктов, что новейшие исследователи относят их к первичному инстинкту, называемому взаимоприятием.

### КУЛЬТУРНАЯ СТРУКТУРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ.

Человеческий вид характеризуется своеобразным развитием социальных отношений, поддерживаемым исключительными способностями к осмысленному общению, и, соответственно, парадоксальной экономикой инстинктов, которые по самой своей сути подвержены преобразованию и обратному развитию и лишь спорадически имеют изолированный эффект. Таким образом, допускается бесконечное разнообразие адаптивных видов поведения. Их сохранение и их прогресс, зависящие от их передачи, стоят выше любой коллективной работы и составляют культуру; это вводит новое измерение в социальную реальность и в душевную жизнь. Это измерение определяет человеческую семью, как, впрочем, и все социальные явления в человеке.

Если действительно человеческая семья позволяет наблюдать в самых первых фазах материнских обязанностей, например, некоторые черты инстинктивного поведения, отождествляемые с чертами биологической семьи, то достаточно поразмыслить над тем, чем чувство отцовства обязано духовным постулатам, отметившим его развитие, чтобы понять, что в этой области культурные инстанции доминируют над природными настолько, что нельзя считать парадоксальными случаи, где, как при усыновлении, они их полностью заменяют.

Является ли эта культурная структура человеческой семьи полностью доступной методам конкретной психологии: наблюдению и анализу? Без сомнения, этих методов достаточно, чтобы выделить такие существенные линии, как иерархическая структура семьи, и признать в семье привилегированный орган ограничения взрослым ребенка, ограничения, которому человек обязан первоначальной стадией и первобытными основами своего нравственного формирования.

Но другие объективные линии: способы организации этой семейной власти, законы ее передачи, связанные с ней понятия происхождения и родства, сочетающиеся в ней законы наследования и преемственности, наконец, ее интимные отношения вместе с законами брака – затуманивают психологические отношения, запутывая их. Кроме того, их интерпретация должна основываться на сравнительных данных из этнографии, истории, права и социальной статистики. Эти данные, подтвержденные социологическим методом, устанавливают, что человеческая семья является институтом. Психологический анализ должен приспособляться к этой сложной структуре и не имеет ничего общего с философскими попытками, целью которых является сведение человеческой семьи либо к биологическому факту, либо к теоретическому элементу общества.

Эти попытки, однако, основываются на некоторых внешних чертах семейного феномена; Какими бы иллюзорными ни были эти внешние черты, на них стоит остановиться, потому что они основаны на реальных совпадениях разнородных причин. Мы опишем механизм с помощью двух пунктов, которые всегда спорны для психолога.

Психологическая наследственность. Среди всех человеческих групп семья играет первостепенную роль в передаче культуры. Если духовные традиции, охрана обрядов и обычаев, сохранение мастерства и достояния оспариваются другими социальными группами, то семья имеет приоритетное значение в первом воспитании, подавлении инстинктов, приобретении по праву называемого материнского языка. Таким образом, в этой области она руководит основными процессами психического развития, этой организацией эмоций по типам, которая, по Шанду, является основой чувств; в более широком смысле семья передает структуры поведения и представления, игра которых выходит за пределы сознания.

Таким образом, между поколениями устанавливается психическая преемственность, причинность которой имеет ментальный порядок. Эта преемственность, если она и обнаруживает искусственность своих оснований в самых понятиях, определяющих единство рода, от тотема до фамилии, тем не менее проявляется в передаче потомкам психических склонностей, граничащих с врожденными; Конн ввел термин «социальная наследственность» для обозначения этих эффектов. Этот термин, весьма неуместный в своей двусмысленности, по крайней мере имеет одно достоинство, это то, что он указывает на то, как трудно психологу не преувеличивать значение биологического в так называемых фактах психологической наследственности.

Биологическое родство. Другое сходство, весьма случайное, проявляется в том, что компоненты биологической семьи являются такими же, как и нормальные компоненты семьи, наблюдаемой сегодня на Западе: отец, мать и дети. Это совпадение есть не что иное, как числовое равенство. Но разум испытывает искушение признать в нем общность структур, непосредственно основанную на постоянстве инстинктов, постоянстве, которое он должен затем найти в примитивных формах семьи. Именно на этих предпосылках были основаны чисто гипотетические теории первобытной семьи, иногда в виде распушенности, наблюдаемой у животных, подрывными критиками существующего семейного порядка; иногда по примеру постоянной пары, не менее редко наблюдаемой у животных, защитниками института семьи, рассматриваемого в качестве социальной ячейки.

Первобытная семья как образование.

Теории, которые мы только что обсудили, не подтверждаются никакими известными фактами. Мнимая распушенность нигде не может быть подтверждена, даже в так называемых случаях группового брака: с самого начала существующего с запретами и законами. Примитивные формы семьи имеют существенные черты ее современных форм: власть если и не сосредоточена в патриархальном типе, то по крайней мере представлена советом, матриархатом или его мужскими представителями; способ родства, наследования, правопреемства, передающийся, иногда отчетливо (Риверс), по отцовской или материнской линии. Это должным образом организованные человеческие семьи. Но вместо того, чтобы показывать нам так называемую социальную ячейку, мы видим в этих семьях, поскольку они более примитивны, не только более обширную совокупность биологических пар, но, прежде всего, родство, менее соответствующее естественным узам кровного родства.

Первый пункт продемонстрирован Дюркгеймом, а вслед за ним и Фоконне на историческом примере римской семьи; при изучении фамилий и закона о наследовании мы обнаруживаем, что последовательно возникли три группы, от самой большой до самой узкой: роды, очень большая совокупность родоначальников мужского пола; агнатическая семья, более близкая, но неделимая; наконец, семья, которая подчиняет через *patria potestas*\* деда супружеские пары всех его сыновей и внуков.

Во-вторых, первобытная семья игнорирует биологические родственные связи: это игнорирование является лишь юридическим в частичной однонаправленности родства; но также положительное незнание или, возможно, систематическое непризнание (в смысле парадоксальности веры, которую психиатрия придает этому термину), полное исключение этих связей, которые могут осуществляться только в отношении отцовства, наблюдается в некоторых матриархальных культурах (Риверс и Малиновский). Кроме того, родство признается только посредством обрядов, узаконивающих родственные узы и, при необходимости, создающих фиктивные: факты тотемизма, усыновления, искусственного образования агнатической группировки наподобие славянской задруги. Точно так же, согласно нашим законам, родство подтверждается браком.

По мере открытия более примитивных форм человеческой семьи они расширяются в группы, которые, подобно клану, также могут считаться политическими. Перенос в неизвестное доисторическое время семейной формы, производной от биологической семьи, чтобы из нее путем естественной или искусственной ассоциации развились вышеупомянутые группы, является гипотезой, которая не только не может быть доказана, но и становится еще более невероятной из-за отказа зоологов, как мы видели, принять такой происхождение даже для животных сообществ.

Кроме того, наряду с тем, что расширение и структура первобытных семейных групп не исключают существования внутри них семей, ограниченных их биологическими членами — факт столь же бесспорный, как и факт двуполого размножения, — то произвольно выделенная таким образом форма не может сообщить нам ничего из области психологии семьи и не может быть уподоблена формам семьи, которые существуют в настоящее время.

Небольшая группа, составляющая современную семью, на самом деле при рассмотрении представляется не упрощением, а скорее сокращением института семьи. Оно показывает глубокую сложную структуру, многие моменты которой действительно лучше проясняются известными институтами древней семьи, чем гипотезой об элементарной семье, с которой никто никогда не сталкивался. Но это не означает, что слишком амбициозно искать в этой сложной форме смысл, который объединяет ее и, возможно, направляет ее эволюцию. Этот смысл раскрывается именно тогда, когда в свете этого сравнительного исследования мы улавливаем глубокую реорганизацию, которая привела институт семьи к его нынешнему виду; мы признаем в то же время, что он должен быть приписан преобладающему влиянию, которое принимает здесь брак, институт, который следует отличать от семьи. Из-за этого кажется более совершенным термин «супружеская пара», которым ее обозначает Дюркгейм.

*\*Patria potestas - в переводе с латинского, Сила отца, в Древнем Риме право отца управлять сыновьями и потомками (примечание переводчика)*

## ГЛАВА 1.

### КОМПЛЕКС: КОНКРЕТНЫЙ ФАКТОР В ПСИХОЛОГИИ СЕМЬИ

Человеческая семья должна быть осмыслена в пределах весьма особого устройства реальности, учрежденной социальными отношениями. Если для установления этого принципа мы прибегли к выводам социологии, хотя совокупность фактов, которые она иллюстрирует, выходит за рамки нашего предмета, то это потому, что рассматриваемый порядок реальности является подлинным объектом этой науки. Таким образом, принцип помещается на плоскость, где он получает полноту объективности. Таким образом, это позволит судить о текущих результатах психологических исследований в соответствии с их истинным значением. Несмотря на то, что оно фактически порывает с академическими абстракциями и стремится либо через наблюдение за поведением, либо через опыт психоанализа объяснить конкретное, это исследование, особенно когда оно проводится на фактах "семьи как объекта и психического условия" никогда не объективирует инстинкты, но всегда комплексы.

Это обнаружение не просто случайный этап, который может быть в дальнейшем опущен, при дальнейшем развитии нашей теории. Мы должны признать в нем, выраженную в психологических терминах, которые тем не менее совместимы с принципом, изложенным вначале, существенную особенность нашего объекта исследования, а именно, его обусловливание культурными факторами за счет природных.

Общее определение комплекса. Комплекс связывает в фиксированной форме совокупность реакций, которые могут включать все органические функции, от эмоций до поведения приспособления к объекту. Что определяет комплекс - это то, что он воспроизводит достоверную реальность окружающей обстановки и делает он это двойным способом:

- 1) Его форма отражает эту реальность в том смысле, что она имеет объективное отличие на данной ступени психического развития; эта стадия определяет его происхождение;
- 2) Его деятельность повторяет в переживаемом опыте реальность, зафиксированную таким образом, каждый раз, когда возникают определенные переживания, требующие высшей объективации этой реальности; этот опыт определяет упаковку комплекса.

Уже одно это определение предполагает, что в комплексе преобладают культурные факторы: в его содержании, представляющего объекта; в его форме, связанной с пережитой стадией объективации; и наконец, в его демонстрации нехватки объекта при текущей ситуации, иными словами, согласно тройному аспекту отношений знания, формы эмоциональной организации и испытания шоком реальности комплекс понимается через свою связь с объектом. Однако любая объективная идентификация должна быть передаваема, то есть основываться на культурном критерии; Что касается индивидуальной интеграции форм объективации, то это работа диалектического процесса, в результате которого каждая новая форма возникает из конфликтов предыдущей с реальностью. В этом процессе необходимо признать характер, определяющий человеческий порядок, а именно ниспровержение всякой инстинктивной неподвижности, из которого возникают фундаментальные формы культуры, с бесконечными вариациями.

Комплекс и инстинкт. - Если за комплекс в его полном проявлении отвечает культура и если это является существенным фактором для любого, кто хочет объяснить психические факты человеческой семьи, это не означает, что не существует никакой связи между комплексом и инстинктом. Но, что любопытно, из-за неясностей, которые оставляют концепцию инстинкта на обсуждение современной биологии, понятие комплекса, тем не

менее, только недавно введенное, оказывается, лучше приспособлено к более сложным объектам. Вот почему, отвергая ту опору, которую, по мнению изобретателя комплекса, нам необходимо искать в классическом понятии инстинкта, мы верим, что путем теоретического разворота, именно инстинкт может быть в настоящее время освещен посредством его отсылки к комплексу.

Таким образом, мы могли бы сравнить по пунктам: 1) связь со знанием, которую подразумевает комплекс, по сравнению со всей естественностью организма в окружающей среде, в которой подвешены загадки инстинкта; 2) общая типичность комплекса связана с законами социальной группы, обезличенная типичность инстинкта связана с непластичностью биологического вида; 3) изменчивость проявлений комплекса, который в эквивалентных формах торможения, компенсации, непризнания, рационализации выражает слабость перед одним и тем же объектом, по сравнению со стереотипностью явлений инстинкта, активация которых, подчиняясь закону «все или ничего», остается ригидной к вариациям жизненной ситуации. Этот застой в комплексе так же, как и эта ригидность в инстинкте, — останутся полностью загадочными, до тех пор пока их будут объяснять только в терминах аксиомы жизненного приспособления, которая является фактически механистической маскировкой для доктрины конечности; их проблема требует использования более богатых понятий, навязанных изучением психической жизни.

Фрейдский комплекс и образ: Мы определили комплекс в очень широком смысле, который не исключает того, что субъект обладает сознанием, что он из себя представляет. Но это похоже на фактор преимущественно бессознательный, впервые определенный Фрейдом. Его единство действительно поразительно в этой форме, где оно обнаруживает себя как причина психических действий, не управляемых сознанием, ошибочных действий, сновидений, симптомов. Эти эффекты обладают настолько отчетливыми и случайными характеристиками, что заставляют нас признать в качестве основного элемента комплекса это парадоксальное бытие: бессознательное представление, обозначаемое именем образа. Комплексы и образ произвели революцию в психологии и особенно в психологии семьи, которая оказалась избранным местом наиболее устойчивых и наиболее типичных комплексов: из простого предмета морализаторских разглагольствований семья стала объектом конкретного анализа.

Однако было показано, что комплексы играют роль «организаторов» в психическом развитии; они, таким образом, властвуют над теми явлениями, которые в сознании кажутся лучше всего интегрированными в личность; таким образом, в бессознательном побуждаются не только страстные обоснования (оправдания, прим. пер), но и объективируемые рационализации. Значение семьи, как объекта и психического явления при этом было преувеличено.

Этот теоретический прогресс побудил нас дать комплексу общую формулу, позволяющую включить в него сходные по структуре сознательные явления. Такие как чувства, которые могут быть увидены как сознательные эмоциональные комплексы, особенно семейные чувства, часто являющиеся обратным отображением бессознательных комплексов. И такие как бредовые убеждения, где субъект утверждает комплекс в качестве объективной реальности; что мы продемонстрируем, в частности, при семейных психозах. Мы изучим комплексы, образы, чувства и убеждения в их связи с семьей и с психическим развитием, которое они организуют, начиная от ребенка, воспитываемого в семье, и заканчивая взрослым, который его воссоздает.

## *1. Комплекс отнятия от груди*

Комплекс отнятия от груди закрепляет отношения питания в психике в паразитической форме, как того требуют потребности раннего человеческого возраста; Он представляет собой первичную форму образа матери. Следовательно, он устанавливает самые архаичные и самые устойчивые чувства, которые объединяют человека в семью. Мы касаемся здесь самого первобытного комплекса в психическом развитии, того, из которого состоят все последующие комплексы; тем поразительнее видеть, что в нем полностью доминируют культурные факторы и, таким образом, уже на этой ранней стадии он радикально отличается от инстинкта.

Отнятие от груди как прекращение вскармливания; есть, однако, две особенности, которые действительно делают его очень похожим на инстинкт: с одной стороны комплекс отнятия от груди имеет черты настолько общие для всего вида, что его можно принять за родовой; с другой стороны он представляет в психике биологическую функцию, которая осуществлена анатомически хорошо дифференцированным аппаратом - лактацией. Теперь, мы можем понять, почему мы хотели связать с инстинктом, даже у людей, фундаментальное поведение, которое связывает мать и ребенка. Но это значит пренебрегать существенной характеристикой инстинкта: его физиологической регуляцией, проявляющейся в том, что материнский инстинкт у животного перестает действовать с завершением кормления грудью.

У человека, наоборот, именно культурная регуляция обуславливает отлучение от груди. Она оказывается доминирующей, хотя и ограничивается самим циклом аблактации (прекращение выделения молока прим. пер.), за который отвечает общий для класса млекопитающих физиологический период железы. Если такая регуляция, которую мы наблюдаем в реальном мире, кажется явно неестественной только в отсталых практиках, которые не случайно все выходят из употребления, то было бы грубой иллюзией искать в физиологии инстинктивную основу этих правил, более соответствующую природе, навязанную отнятию от груди, как и всем обычаям, идеалом самых передовых культур. Фактически, отлучение от груди в результате внезапных непредвиденных обстоятельств, часто является психологической травмой, отдельные последствия которой, так называемая психическая анорексия, наркомания через рот, желудочные неврозы, раскрывают психоанализу свои причины.

Отнятие от груди, психический кризис: Травмирующее или нет, отнятие от груди оставляет в человеческой психике неизгладимый след им прерванных биологических отношений. Этот жизненный кризис на самом деле усиливается психическим кризисом, который является несомненно первым, чье решение имеет диалектическую структуру. Кажется, впервые жизненное напряжение преобразуется в умственное намерение. По этому намерению отнятие от груди принимается или отвергается; намерение, конечно, очень элементарно, так как его нельзя отнести еще даже к Я, которое находится пока в зачаточном состоянии; принятие или отвержение не могут быть постигнуты как один из вариантов выбора, так как при отсутствии подтверждающего или отвергающего Я, они не противоречат друг другу; но как сосуществующие и противоположные полюса, они определяют чрезвычайно двойственное отношение, даже если один из них преобладает. Во время кризисов, которые обеспечивают непрерывность развития, это первичное двойственное отношение разрешится в психических дифференциациях на все более и более высоком диалектическом уровне и со все большей необратимостью. Исходное преимущество будет менять свое значение несколько раз, и из-за этого может подвергаться очень разнообразным судьбам; оно, тем не менее, будет восстанавливаться

снова, со своим темпом и тоном, между прочим, которые оно наложит и на эти кризисы, и на новые категории, которые обеспечивает опыт.

## ОБРАЗ МАТЕРИНСКОЙ ГРУДИ

Это непринятие отнятия от груди, придает комплексу его положительную сторону, а именно образ заботливых отношений, которые он стремится восстановить. Содержание этого образа представлено ощущениями раннего детства, но он приобретает форму лишь по мере их психической организации. Однако поскольку эта стадия предшествует появлению формы объекта, кажется, что это содержание не может быть представлено в сознании. Несмотря на это, они воспроизводятся там в умственных структурах, которые служат, как мы видели, в качестве модели для более поздних психических событий. Они будут снова пробуждены связанной с ними ассоциацией, хотя будут неотделимы от объективного содержания, которое они *сообщают*. Проанализируем это содержание и эти формы.

Изучение поведения раннего детства позволяет нам утверждать, что экстероцептивные, проприоцептивные и интероцептивные ощущения после двенадцати месяцев еще недостаточно скоординированы чтобы позволить младенцу полностью распознать свое собственное тело, а, соответственно, чтобы иметь понимание того, что является по отношению к нему внешним.

Все же очень рано определенные экстероцептивные ощущения спорадически обособляются в воспринимаемые единства. Эти элементы объектов соответствуют, как и следовало ожидать, самым ранним эмоциональным интересам. Об этом свидетельствует ранее развитие и избирательность реакций ребенка на приближение и уход людей, которые о нем заботятся. Однако необходимо отдельно упомянуть, как структурный факт, реакцию интереса, проявляющуюся у ребенка по отношению к человеческому лицу: она появляется чрезвычайно рано, наблюдается с первых дней и даже до того, как достигается двигательная координация глаз. Этот факт нельзя отделить от прогресса, благодаря которому человеческое лицо приобретет свою полную ценность психического выражения. Эта ценность, будучи социальной, не может рассматриваться как нечто обычное. Оживленная, часто невыразимым образом, сила, которую человеческая маска принимает в психическом содержании психозов, вероятно, свидетельствует об архаичности ее значения.

Как бы то ни было, эти избирательные реакции, позволяют нам распознать в ребенке, как определенное очень рано развившееся знание о присутствии, выполняющем материнскую функцию, так и роль причиненной травмы, которая в определенных неврозах и расстройствах характера может играть замену для указанного присутствия. Это очень архаичное знание, для которого кажется, сделан клоделевский каламбур «со-naissance» (знание или со-рождение), и которое едва отличимо от эмоциональной адаптации. Оно по-прежнему полностью вовлечено в удовлетворение специфических потребностей раннего детства и в типичную двонаправленность психических отношений, возникающих на данном этапе. Когда мы рассматриваем младенца у груди, это удовлетворение отображает признаки самой большой полноты, которой человеческое желание может быть удовлетворено.

Проприоцептивное удовлетворение: оральное слияние. Проприоцептивные ощущения, связанные со всасыванием и хватанием, составляют основу двойственности опыта, вытекающего из самой ситуации: существо, которое поглощает, полностью поглощено, и архаичный комплекс отвечает ему материнскими объятиями. Мы не будем здесь говорить,

вслед за ФРЕЙДОМ ни об аутоэротизме, так как Я еще не сформировано, ни о нарциссизме, поскольку еще не существует образа Я; и еще меньше должны мы говорить об оральной эротике, так как ностальгия по кормящей груди, в отношении которой психоаналитическая школа была столь несогласованна, связана с комплексом отнятия от груди только благодаря ее переработке Эдиповым комплексом. «Каннибализм», но склеенный каннибализм, невыразимый, одновременно и активный и пассивный, всегда живущий в играх и символических словах, которые в наиболее развитой любви напоминают желание личинки, — мы распознаем в этих терминах связь с реальностью, на которой базируется образ матери.

Интероцептивный дискомфорт - внутриутробный образ: Сама эта основа не может быть отделена от хаоса interoцептивных ощущений, из которых она возникает. Тревога, прообраз которой проявляется в асфиксии рождения; холод, связанный с наготой кожи; и лабиринтный дискомфорт, который сменяется удовлетворением при покачивании колыбели, организуют своей триадой мучительный тон органического существования, который, согласно лучшим наблюдателям, доминирует над первыми шестью месяцами жизни человека. Все эти первобытные болезни имеют одну и ту же причину: недостаточная адаптация к изменению условий окружающей среды и питания, которую создает паразитический баланс внутриматочной жизни.

Эта концепция согласуется с тем, что психоанализ находит на практике в качестве последнего источника образа материнского лона: за фантазиями сновидений, как и за навязчивыми идеями бодрствования, образы внутриутробной среды обитания и анатомической границы внеутробной жизни возникают с впечатляющей точностью. Наличие физиологических данных и анатомического факта немиелинизированности высших нервных центров у новорожденного, не позволяет, по мнению некоторых психоаналитиков, рождению быть психической травмой. С тех пор эта форма образа осталась бы загадкой, если бы послеродовое состояние человека не проявлялось, связанным с внутриматочной жизнью, дискомфортом при формировании позиции, мышечного тонуса и баланса.

#### ОТНЯТИЕ ОТ ГРУДИ: СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ПРЕЖДЕВРЕМЕННОСТЬ РОЖДЕНИЯ.

Мы можем видеть, что задержка прорезывания зубов и ходьбы, соответствующая задержка большинства других систем и функций, определяет в ребенке полную жизненную беспомощность, которая длится дольше первых двух лет. Должен ли этот факт быть связан с другими, теми, которые придают последующему соматическому развитию человека исключительный характер по сравнению с животными его класса: а именно, с длительностью периода детства и задержкой полового созревания? Как бы то ни было, мы не должны колебаться при распознавании положительного биологического дефицита в раннем возрасте и рассмотрении человека как животного, которое родилось преждевременно. Эта концепция объясняет общую распространенность комплекса и то, что он не зависит от случаев аблактации. Это отнятие от груди в строгом смысле - дает первое и, к тому же наиболее адекватное психическое выражение более неясному образу, раннего, более болезненного отлучения, которое имеет большее жизненное значение: то, которое, при рождении, отделяет младенца от лона, преждевременное отделение, от которого вызывает дискомфорт, который не может компенсировать никакая материнская забота. Позвольте нам напомнить здесь известный педиатрический факт очень особой эмоциональной отсталости, наблюдаемого у детей рожденных преждевременно.

Материнское чувство: Созданный таким образом, образ материнской утробы господствует над всей жизнью человека. Однако, из-за его двойственности, он может быть полностью

насыщен при развороте ситуации, которую он представляет, нечто, что, строго говоря, достигается в уникальном опыте материнства. Вскармливая грудью, обнимая и созерцая младенца, мать в то же время получает и удовлетворяет самое примитивное из всех желаний. Даже боль рождения может быть понята как символическая компенсация за первое из появившихся эмоциональных явлений: тревогу, которая рождается вместе с жизнью. Только образ, который отпечатывается на глубочайшем уровне психики естественное лишение, которому подвергается человека, может объяснить силу, богатство и длительность материнских чувств. Реализация этого образа в сознании обеспечивает женщине привилегированное психическое удовлетворение, в то время как его влияние на поведение матери предохраняет ребенка от оставления, которое было бы для него фатальным.

Противопоставляя комплекс инстинкту, мы не отрицаем, что комплекс имеет определенную биологическую основу, а давая ему определение некими идеальными отношениями, мы, тем не менее, связываем его с материальной основой. Этой основой является функция, которую он выполняет в социальной группе; и этот биологический фундамент можно увидеть в жизненной зависимости индивида от группы. В то время как инстинкт имеет органическую основу и является не чем иным, как регуляцией жизненно важных функций, комплекс лишь изредка имеет органическую связь, когда восполняет жизненный недостаток регулированием социальной функции. Так обстоит дело с комплексом отнятия от груди. Эта органическая связь объясняет, как образ матери держится в глубинах психики и почему его сублимация особенно трудна, что проявляется в привязанности ребенка «к юбке матери» и в иногда анахронической длительности этой связи.

Однако, этот образ должен быть сулимирован для того, чтобы начать новые отношения с социальной группой и для того, чтобы интегрировать новые комплексы в психику. В той мере, в какой он сопротивляется этим новым требованиям, являющимся требованиями прогресса личности, образ, изначально полезный, становится фактором смерти.

Влечение к смерти: то, что стремление к смерти переживается человеком, как объект влечения - действительность, которую анализ обнаруживает на всех уровнях психики; это реальность, изобретатель психоанализа должен был признать ее неустранимый характер, но объяснение, которое он дал с помощью инстинкта смерти, каким бы ослепительным оно ни было, остается, тем не менее, противоречивым в терминах; такой является правда, гений Фрейда уступил предрассудку биолога, который требовал, чтобы всякая склонность была связана с инстинктом. Но, стремление к смерти, специфическое для психики человека, достаточно объясняется той концепцией, которую мы здесь развиваем, а именно, что комплекс, функциональная единица психики реагирует не на жизненные функции, а на врожденную недостаточность этих функций.

Эта психическая склонность к смерти в первоначальной форме, которую отнятие от груди ей дает, может быть замечена в тех особых видах самоубийства, которые характеризуются как ненасильственные; в то время, когда появляется оральная форма комплекса: голодная забастовка нервной анорексии, медленное отравление через рот при определенных наркоманиях и голодная диета при желудочных неврозах. Анализ этих случаев показывает, что посредством сдачи себя смерти, субъект пытается вновь обрести образ своей матери. Эта психическая ассоциация является не просто проявлением болезни. Она является родовой, как видно из практики погребения, некоторые способы которого ясно проявляют психологический смысл возвращения в материнскую утробу; также связи, установленные между матерью и смертью, до сих пор раскрываются как с помощью магических техник, так и с помощью концепций древних богословов; и, наконец, как мы

это можем наблюдать в любом достаточно далеко продвинувшемся психоаналитическом опыте.

Семейные узы. Даже будучи сублимирован, образ материнского лона продолжает играть для субъекта важную психическую роль. Его форма, наиболее скрытая от сознания, форма пренатальной среды обитания, находит себе адекватный символ в его жилище и около его порога, особенно в их примитивных видах, пещере, хижине.

Таким образом все, что составляет домашнее единство семейной группы, до той степени, когда индивидуум способен рассматривать ее отдельно, становится для него объектом привязанности, отличной от такой же, объединяющей его с каждым членом группы. В таком случае отказ от обеспечения безопасности, предоставляемого семейной системой, находится в рамках повторения отнятия от груди, и чаще всего только в таком случае комплекс ликвидируется в достаточной мере. Каждое возвращение, даже частичное, к таким защитам, может вызывать разрушение в психике, несоизмеримое с практической пользой от этого возврата.

Любое завершение формирования личности требует этого нового отнятия от груди. Как сформулировал Гегель, что человек, который не борется за признание вне семейной группы, умирает не достигая индивидуальности. Психологическое значение этого тезиса проявится в остальной части нашего исследования. Что касается личного достоинства, то семья может только развить человека до номинальных сущностей, и она может сделать это только во время погребения.

Ностальгия по Целостности. Переполненность комплексом лежит в основе материнского чувства; его сублимация способствует семейному чувству; его ликвидация оставляет следы, по которым мы можем его обнаружить: именно эта структура образа остается основой интеллектуального прогресса, который его преобразует. Если бы нам пришлось определить наиболее абстрактную форму, в которой он обнаруживается, мы бы охарактеризовали его так: идеальное уподобление полноте бытия.

В этой, немного философской формуле, мы узнаем ностальгии человечества; метафизический мираж всеобщей гармонии; мистическая бездна эмоционального слияния; общественная утопия тоталитарной опеки, все виды тоски по потерянному раю перед рождением и до наиболее темных стремлений к смерти.

## РЕВНОСТЬ, ПРОТОТИП СОЦИАЛЬНЫХ ЧУВСТВ

Комплекс вторжения отображает опыт, который получает примитивный субъект, чаще всего, когда он видит одного или нескольких подобных ему, разделяющих с ним семейные отношения; или другими словами, когда он понимает, что у него есть родные братья. Условия, таким образом, могут быть очень различными, с одной стороны - различные культуры и то широкое толкование, которое они дают семейной группе, с другой стороны – индивидуальные обстоятельства, первое из которых отведенное судьбой место в порядке рождения, согласно династического положения, можно сказать, которое он занимает еще до начала конфликта: будет ли он владеющим или же захватчиком.

Инфантильная ревность долго поражала наблюдателей: "Я видел своими собственными глазами," говорит Св. Августин, "и я тщательно наблюдал, маленького ребенка, поглощенного ревностью: он еще не был в состоянии говорить, но все же он не мог препятствовать тому, чтобы не побледнеть при горьком зрелище своего брата у груди" (Признания, I, VII). Это наблюдение, которое так удивило нашего моралиста, оставалось долгое время не чем иным как риторической темой, которая могла использоваться для всех видов апологетических окончаний. Экспериментальные наблюдения за детьми и психоаналитические исследования открыли нам структуру инфантильной ревности, осветили ее роль в происхождении социальности и, познания человека, как такового. Критический пункт, разоблаченный этими исследованиями, это то, что ревность в самой ее основе представляет собой не соперничество за жизнь, а мысленную идентификацию.

Мысленная идентификация: Из наблюдения за детьми возрастом от шести месяцев до двух лет, которых разделили на пары и оставили играть без присмотра, мы можем констатировать следующий факт: у детей, собранных таким способом, появляются разнообразные реакции, которые, похоже, демонстрируют общение. Среди всех них выделяется один тип реакций, потому что мы можем распознать в нем объективно определяемое соперничество: оно включает в себя определенную адаптацию поз и жестов субъектов, а именно, сходство в их чередовании и совпадение в их последовательности, которая формирует порядок их провокациям и ответным действиям, и позволяют утверждать, без спешного осуждения сознания субъектов, что они осуществляют это, как ситуацию с двойным исходом, как альтернативу. В рамках этой адаптации мы можем допустить, что на этой стадии намечается признание соперника, то есть «другого» как объекта. Несмотря на то, что такая реакция может быть очень ранней, она определяется условием, настолько доминирующим, что оно кажется однозначным, а именно предел, который не может быть превышен в разнице между возрастными субъектами. Этот предел ограничен двумя с половиной месяцами в первый год рассматриваемого периода, и остается таким же строгим по мере взросления.

Если это условие не выполняется, то реакции, которые наблюдаются между детьми, находящимися в конфронтации, имеют совершенно другое значение. Рассмотрим наиболее частые из этих реакций: демонстрация, соблазнение и деспотия. Несмотря на то, что здесь фигурируют два партнера, отношение, которое характеризует каждого из них, при наблюдении открывается нам не как конфликт между двумя индивидами, а как конфликт в каждом субъекте между двумя, отвергающей и дополняющей, позициями, и это биполярное участие является основой данной ситуации. Чтобы понять эту структуру, остановимся на мгновение на ребенке, который устраивает спектакль, и на том, кто следует за ним взглядом: кто из них более зритель? Или понаблюдайте за ребенком, который расточает свои попытки соблазняя другого: где находится соблазнитель?

Наконец, из пары: ребенок, который наслаждается установлением своего господства, и тот, кто угождает ему, подчиняясь, возникает вопрос, кто из них более зависим? Здесь осуществляется этот парадокс: каждый партнер путает роль другого со своей собственной и идентифицируется с ним; но он может поддерживать эти отношения при совершенно незначительном участии со стороны другого и затем проживать всю ситуацию самостоятельно, что проявляется иногда в полном несоответствии между их поведением. Это означает, что идентификация, характерная для социального поведения, на данном этапе основана на чувстве другого, который игнорируется без правильной концепции его полностью *воображаемого* значения.

Образ подобного: Какая тогда структура этого образа? Первое указание на это дает нам условие, признанное выше как необходимое для действительной адаптации между партнерами, а именно очень узкая разница в возрасте. Если мы обратимся к тому факту, что эта стадия характеризуется быстрыми и достаточно глубокими изменениями нервной системы по сравнению с преобладанием индивидуальных различий, будет понятно, что это условие эквивалентно требованию подобия между субъектами. Похоже, что образ другого связан со структурой собственного тела, и особенно с его функциями отношения, определенными объективным сходством.

Доктрина психоанализа позволяет нам приблизиться к проблеме. Она показывает нам, в брате, в лишенном пола смысле, избранный объект либидинальных требований, которые на изучаемой нами стадии являются гомосексуальными. Но она также настаивает на смешении в этом объекте двух эмоциональных отношений, любви и идентификации, чье противопоставление будет фундаментальным на более поздних стадиях.

Эта оригинальная двусмысленность появляется вновь у взрослых в чувстве ревнивой любви и где она может быть схвачена лучше всего. Это может быть распознано в сильной заинтересованности, которую субъект проявляет к образу конкурента, заинтересованности, которая хоть и проявляется в виде ненависти, то есть как негативная, и хотя он мотивируется воображаемым объектом любви, тем не менее, поддерживается субъектом самым безосновательным и самым дорогостоящим способом и часто так доминирует над чувством самой любви, что ее следует интерпретировать как существенный и положительный интерес страсти. Эта заинтересованность смешивает в нем идентификацию и любовь, и хотя она только проявляется в скрытой форме в мышлении взрослых, она придает неопровержимое качество страсти, его поддерживающей, что делает ее близкой к навязчивости. Высшая степень агрессивности, с которой сталкиваются при психотических формах страсти, состоит в гораздо большей степени из отрицания этого исключительного интереса, чем из соперничества, которое, кажется, его оправдывает.

Значение первичной агрессивности. Но именно в примитивной братской ситуации агрессия оказывается вторичной по отношению к идентификации. Доктрина Фрейда остается сомнительной в этом пункте; дарвиновская идея о том, что борьба лежит в основе жизни, пользуется значительным доверием среди биологов, но, несомненно мы должны распознать здесь авторитет менее критикуемый напыщенностью морализаторства, который передается в таких шаблонах, как *homo homini lupus*. Напротив, очевидно, что кормление представляет собой именно для детенышей временную нейтрализацию состояния борьбы за пищу. Это утверждение еще более очевидно в случае людей. Поэтому возникновение ревности в связи с кормлением, в соответствии с классической темой, проиллюстрированной выше цитатой святого Августина, следует интерпретировать с осторожностью. Фактически, ревность может проявляться в тех случаях, когда субъект, долгое время отлученный от груди, не находится в ситуации

жизненно важного соревнования со своим братом. Следовательно, этот феномен, по-видимому, требует в качестве предварительного условия, определенной идентификации с состоянием брата. Более того, аналитическая доктрина, характеризуя как садомазохистскую типичное стремление либидо на этой стадии, безусловно, подчеркивает, что в таком случае агрессивность как доминирует в эмоциональной экономике, так и то, что она всегда одновременно претерпевает и воздействует, другими словами, на основе идентификации с другим, объектом насилия.

Напомним, что эта роль интимного двойника, которую мазохизм играет в садизме, была подчеркнута психоанализом и что именно загадка, что представляет собой мазохизм в экономике жизненно важных инстинктов, побудила Фрейда утвердить *инстинкт смерти*.

Если мы хотим следовать за идеей, которую мы указали выше, и определить страдание при отнятии от груди у человека в качестве источника желания смерти, мы распознаем в первичном мазохизме диалектический момент, когда субъект производит с помощью своих первых актов игры воспроизведение именно этого страдания и, тем самым, сублимирует и преодолевает его. Именно так примитивные детские игры представлялись пронизательному глазу Фрейда: эта радость раннего детства - отвергнуть объект из поля своего зрения, а затем, отыскание объекта, неисчерпаемо возобновлять свое устранение, означает, что субъект снова причиняет сам себе волнение отстранения, т.к. он подвергался этому ранее, но теперь торжествует, будучи активным в своем воспроизведении.

Расщепление, таким образом намеченное в субъекте, может быть закончено через идентификацию с братом, потому что она предоставляет образ, который фиксирует один из полюсов первичного мазохизма. Таким образом ненасильственность первичной формы самоубийства порождает насилие воображаемого убийства брата. Но это насилие не имеет ничего общего с борьбой за жизнь. Объект, выбранный агрессией для примитивных игр со смертью, является, по сути, безделушкой или частью отходов, биологически безразличным; субъект упраздняет его безвозмездно, своего рода, для удовольствия и, таким образом, принимает потерю материнского объекта. Образ отлученного от груди брата привлекает особую агрессию только потому, что он повторяет в субъекте образ материнской ситуации, а вместе с ним и желание смерти. Это явление вторично по отношению к идентификации.

## СТАДИЯ ЗЕРКАЛА

Эмоциональная идентификация - психическая функция, оригинальность которой была установлена психоанализом, особенно в Эдиповом комплексе, как мы это позже увидим. Но использование этого термина на стадии, которую мы изучаем, остается плохо определенным в теории. Именно поэтому мы попытались дополнить теорию этой идентификацией, происхождение которой я описываю, используя термин стадия зеркала.

Рассматриваемая таким образом стадия является ответом на затухание отнятия от груди, до конца тех шести месяцев, в течение которых доминанта психического дискомфорта, соответствующая задержке физического развития, отражает преждевременность рождения, которое, как мы указывали лежит в основе особенностей отлучения от груди у человека. Однако распознавание субъектом своего изображения в зеркале - явление, вдвойне существенное для анализа этой стадии: данное явление появляется после шести месяцев, и его изучение в этот момент наглядно выявляет стремления, которые затем составляют реальность субъекта; зеркальное изображение из-за этого сходства предоставляет хороший символ этой реальности: ее эмоциональной ценности, иллюзорной, как образ, и ее структуры, поскольку она отображает форму человека.

Восприятие формы подобного в качестве мыслительной единицы в живом существе связано с соответствующим уровнем интеллекта и общительности. В стаде животных имитация сигнала показывает это в урезанной форме; эхомимические\* и экопраксические\*\* структуры проявляют свое бесконечное богатство у обезьян и людей. В ней заключается основной смысл интереса, который и одни и другие проявляют к своему зеркальному изображению. Но даже при том, что их поведение при рассматривании этого изображения заключается в попытке вытянуться и схватить его руками – что кажется одинаковым в обоих случаях, эти игры доминируют у человека только в течение короткого времени в конце первого года. Это тот возраст, который Бахлер назвал "возраст шимпанзе", потому что он существует тогда, когда человек достигает уровня инструментального интеллекта, эквивалентного животному.

Вторичность зеркального изображения: Феномен восприятия, появляющийся у человека с шестого месяца, проявляется с этого момента в полностью отличной форме, характеризующейся просветляющей интуицией, а именно, на фоне торможения внимания, возникает внезапное проявление адаптивного поведения (жест, направленный к некоторой части собственного тела); что сопровождается ликующими расходами энергии, которые объективно указывают на победу. Эта двойная реакция позволяет заметить чувство понимания в его невыразимой форме. Эти признаки, по нашему мнению, выражают вторичное значение, которое феномен получает от либидинозных условий, сопровождающих его появление. Эти условия — это всего лишь психическое напряжение, протекающее из месяцев недоношенности и которое, кажется, выдает двойной жизненный разрыв: разрыв этой непосредственной адаптации к окружающей среде, которая определяет животный мир своей естественностью; разрыв этого единства жизнедеятельности, порабощающего восприятие влечений животных.

Рассогласование на этой стадии у человека как влечений, так и функций является лишь следствием длительной несогласованности систем. Это приводит к стадии, которая эмоционально и умственно построена на основе проприоцептивности, которая дает телу фрагментарность: с одной стороны, психический интерес смещается на стремления, направленные на определенное склеивание собственного тела; с другой стороны, реальность, сначала подвергшаяся дроблению восприятия, хаос которой достигает даже ее категорий, например, «пространств», таких же разрозненных, как сменяющая друг друга неподвижность ребенка, упорядочивается в отражении форм тела, которые в некотором роде служат моделью для всех объектов.

Здесь речь идет об архаической структуре человеческого мира, анализ бессознательного которого выявляет глубокие следы: фантазии о расчленении, распаде тела, среди которых фантазии о кастрации являются лишь образом, усиленным особым комплексом; образ двойника, чьи фантастические опредмечивания, реализуются различными причинами в различные периоды жизни, показывают психиатру, что он развивается по мере роста субъекта; наконец антропоморфный и органический символизм объектов в сновидениях и симптомах, который является потрясающим открытием психоанализа.

Стремление, посредством которого субъект восстанавливает свое утраченное единство, с самого начала имеет место в центре сознания. Она является источником энергии его умственного прогресса, прогресса, структура которого определяется преобладанием зрительных функций. Если поиск своего эмоционального единства выдвигает на первый план в субъекте те формы, в которых он представляет себе свою идентичность, то наиболее интуитивную форму на этой стадии дает зеркальный образ. То, что субъект приветствует в ней, так это присущее ей психическое единство. То, что он узнает в ней -

это идеальность образа двойника. То, что он с встречает с восторгом – это триумф целительного стремления.

Нарциссическая структура Я. Таким образом, мир, характерный для этой фазы, является нарциссическим миром. Обозначая его таким образом, мы не только напоминаем о его либидинальной структуре тем самым термином, которому Фрейд и Абрахам еще в 1908 г. установили чисто энергетическое значение инвестиций либидо в тело; мы также желаем проникнуть сквозь его логическую структуру и придать ему полное значение мифа о Нарциссе; то, что это значение указывает на смерть: на жизненную нехватку, из которой этот мир возникает; или зеркальное отражение: образ двойника, который является для него центральным; или иллюзия образа: этот мир, как мы увидим, не содержит других людей.

Восприятия активности других недостаточно, чтобы прорвать эмоциональную изоляцию субъекта. Пока образ подобного лишь играет свою первичную роль, ограниченную функцией выражения, он вызывает у субъекта сходные эмоции и позы, по крайней мере настолько, насколько позволяют текущие устройства его функциональных систем. Но по мере того, как субъект подвергается эмоциональному или моторному внушению он не отличает себя от самого образа. Наоборот, в качестве несоответствующей характеристики этой стадии, образ лишь усиливает временное вторжение чужеродного стремления. Назовем его нарциссическим вторжением: единство, которое оно вносит в стремления, тем не менее будет способствовать формированию Я. Но прежде, чем Я утверждает свою идентичность, оно сливается с образом, его формирующим, но отчуждающим его первоначально.

Можно сказать, что Я сохранит от этого первоисточника двойственную структуру зрелища, которое, проявляясь в вышеописанных ситуациях деспотизма, соблазнения, парада, придает форму влечениям, садомазохистским и скоптофиллическим (желание видеть и быть увиденным), губительным для других по своей сути. Заметим также, что это первичное вторжение позволяет нам понять любую проекцию сформированного Я, проявляется ли она как мифоманиакальная в ребенке, чья личная идентификация все еще колеблется, как транзитивистическая\*\*\* в параноике, чье Я регрессирует до архаической стадии, или как содержательную, когда она интегрирована в нормальное Я.

*\*эхомимические - отражающие мимику (примечание переводчика)*

*\*\*экопраксические - отражающие движения (примечание переводчика)*

*\*\*\*Транзитивизм - убежденность больного в том, что какие-либо ощущения испытываются не только им, но и окружающими его людьми или же только другими лицами, проявление синдрома Кандинского — Клерамбо. (примечание переводчика)*

## ДРАМА РЕВНОСТИ: Я И ДРУГОЙ

Я сформировано как другой, в то время как разыгрывается драма ревности. Для субъекта Я является несоответствием, которое вмешивается в зрительное удовлетворение из-за стремления, которое Я предполагает. Я подразумевает введение третьего объекта, который замещает эмоциональный беспорядок и двусмысленности стадии зеркала соревнованием треугольной ситуации. И, таким образом, субъект, который через идентификацию стремится к ревности, достигает новой альтернативы, где судьба действительности сыграна. Или он возвращается к материнскому объекту и настаивает на отвержении реального и на разрушении другого; или он приведен к какому либо другому

объекту и принимает его в качестве внешней характеристики человеческого знания, то есть, как сообщаемый объект, так как соревнование подразумевает и конкуренцию и соглашение. Но в то же самое время, он распознает другого, с которым он будет как сражаться так и заключать контракт. Одним словом он обнаруживает и другого человека и объект как социализирующее явление. Здесь снова человеческая ревность отличается от непосредственной конкуренции биологического порядка, так как она формирует свои объекты вместо того, чтобы быть определена ими. Ревность тогда показывает себя как первичное социальное чувство.

Я, осмысляемое таким образом, не устанавливается во всех своих основах до возраста трех лет; чтобы быть так установленным оно должно обладать характером объективности, фундаментальной для человеческого знания. То, что замечательно, так это то, что это знание привлекает свое богатство и силу из биологических нехваток, которые характеризуют происхождение человека. Изначальный символизм объектов способствует и их расширению за пределы необходимых для выживания инстинктов и их восприятию в качестве инструментов. Социализация через ревнивую симпатию - основа их постоянства и прочности.

Таковы существенные черты психической роли братского комплекса. Вот некоторые из его приложений.

Условия и эффекты братства: травматизирующая роль собрата является результатом его вторжения. Факт его появления и выбор времени определяет его значение для субъекта. Вторжение исходит от вновь прибывшего и тревожит того во владении. Как правило в семье это является результатом рождения, и в принципе это старший ребенок, кто страдает.

Реакция страдальца на травму зависит от его психического развития. Если он изумлен незванным гостем, оставаясь все еще дезорганизованным отнятием от груди, то этот опыт будет возобновляться каждый раз, когда он будет с ним встречаться. В таком случае он регрессирует таким образом, который обнаруживает себя исходя из судьбы Я, как шизофренический психоз или как гипохондрический невроз; или он может реагировать воображаемым разрушением этого монстра, а это приведет или к извращенным импульсам или к навязчивому чувству вины.

Если напротив вторгающийся не прибывает до окончания комплекса Эдипа он чаще всего оказывается принят в соответствии с предположением о родительской идентификации, которая, как мы увидим, имеет большую концентрацию чувств и более богатую структуру. Он тогда является уже не препятствием или отражением для субъекта, но личностью, достойной любви или ненависти. Агрессивные влечения сублимируются в нежность или суровость.

Собрат также предоставляет архаическую модель Я. Здесь у старшего активная роль, так как он более развит. Чем больше эта модель находится в согласованности со всеми влечениями субъекта, тем более счастливым будет синтез Я, и более реальными будут формы объективности. Была ли подтверждена эта формула при изучении близнецов? Мы знаем, что много мифов приписывают их героическим силам, посредством которых гармония материнского лона восстанавливается в реальности, но ценой братоубийства. В любом случае это из-за собрата, который порождает как объект, так и Я. Чем больше субъект в состоянии усвоить от своего партнера, тем более он усиливает и как свою индивидуальность, так и свою объективность, гаранты его будущей эффективности.

Но группа братьев, отличающихся по возрасту и полу, предрасположена к самым

несогласованным идентификациям Я. Изначальный образ двойника, на котором вероятно формируется Я вначале, подавляется фантазиями образа, как это проявляется в общем для обоих полов фантазме *фаллической матери*, или в фантазме *фаллического двойника* невротической женщины. Тем легче ей становится себя закрепить на нетипичных формах, в которых дополнительные признаки могут играть столь же большую роль, как и органические различия. И в зависимости от того, насколько достаточно давление сексуального инстинкта, мы увидим эту идентификацию нарциссической фазы порождающую или формальные требования гомосексуализма или сексуального фетишизма, или, в системе параноидального Я, объективированном в преследователе, внешнем или интимном.

Связи паранойи с братским комплексом проявляются в частом повторении тем родственных отношений, незаконного присвоения и ограбления, так же, как ее нарциссическая структура раскрывает себя в более параноидальных темах вторжения, влияния, расщепления, двойника, и всех бредовых превращений тела.

Эти связи объясняют то, что семейная группа, ограниченная матерью и братьями, производит психический комплекс, в котором реальность имеет тенденцию оставаться воображаемой или, самое большее, абстрактной. Клинический опыт показывает, что на самом деле, группа составленная таким образом является крайне благоприятной для рождения психоза и что мы найдем ее в большинстве случаев бреда на двоих\*.

*\*Возможно имеется ввиду индуцированный бред (примечание переводчика).*

### 3. Эдипов комплекс

Именно с открытием эдипальных событий в анализе невротиков Фрейд вывел на свет концепцию комплекса. Представленный комплекс Эдипа, учитывая количество психических отношений, в которых он участвует, заставляет признать себя в более чем одном пункте этой работы, - и в нашем исследовании, поскольку он более конкретно определяет психические отношения в человеческой семье, - и в нашей критике, так как Фрейд выдает этот психологический элемент в качестве специфической формы человеческой семьи и ставит в зависимость от него все социальные разновидности семьи. Предлагаемый здесь методический порядок как при рассмотрении психологических структур, так и социальных фактов приведет к пересмотру комплекса, который позволит определить место патерналистской семьи в истории и пролить дополнительный свет на современные невроты.

Схема комплекса. Психоанализ открыл у ребенка генитальные побуждения, апогей которых приходится на 4-й год жизни. Не останавливаясь здесь на их структуре, скажем, что они составляют своего рода психологическое половое созревание, очень преждевременное, как мы видим, по отношению к физиологическому половому созреванию. Привязывая ребенка сексуальным желанием к наиболее близкому объекту, обычно предлагаемому ему присутствием и интересом, а именно к родителю противоположного пола, эти влечения составляют основу комплекса; их неудовлетворение формирует узел. Несмотря на то, что эта неудовлетворенность присуща изначальной преждевременности этих влечений, ребенок связывает ее с третьим объектом, которого те же самые условия присутствия и интереса обычно определяют в качестве препятствия для их удовлетворения: а именно с родителем того же пола.

Неудовлетворенность, которую он испытывает, на самом деле обычно сопровождается воспитательным подавлением, целью которого является препятствование любому исходу этих побуждений и особенно их мастурбаторному исходу. С другой стороны, ребенок приобретает некоторую интуицию в ситуации, которая ему запрещена, как благодаря незаметным и расплывчатым знакам, которые выдают его восприятию родительские отношения, так и благодаря несвоевременным случаям, которые раскрывают их ему. С другой стороны, ребенок приобретает определенное понимание ситуации, которая запрещена ему, такими отдельными, но разбросанными признаками, которые выдают его восприимчивости отношения между его родителями, которые проявляются посредством несвоевременных случайностей, раскрывающих это ему. Этим двойным процессом родитель того же самого пола появляется ребенку и как агент сексуального запрета и как пример его нарушения. Благодаря этому двойному процессу родитель того же пола предстает перед ребенком и как агент сексуального запрета, и как пример его нарушения.

Возникшее таким образом напряжение разрешается, с одной стороны, вытеснением сексуального стремления, которое с этого момента будет оставаться латентным, уступая место нейтральным интересам, максимально предрасполагающим к учебным достижениям, вплоть до наступления половой зрелости; с другой стороны, сублимацией родительского образа, который увековечит в сознании типичный идеал, гарантию будущего совпадения психических реакций и физиологических реакций в период полового созревания. Этот двойной процесс имеет фундаментальное наследственное значение, потому что он остается запечатленным в психике в двух постоянных компонентах: то, что подавляет, называется Сверх-Я, а то, что сублимирует, — Идеал Я. Они представляют собой окончательное завершение Эдипова кризиса.

Объективное значение комплекса. Этой важной схеме комплекса соответствует большое количество данных из опыта. Существование инфантильной сексуальности теперь является бесспорным; к тому же, исторически обнаружив себя в последствиях своей эволюции, которыми являются неврозы, она доступна самому непосредственному наблюдению, и ее многовековое непризнание является поразительным доказательством социальной избирательности человеческого знания. Психические феномены, которые были выделены под именами Сверх-Я и Идеала Я в конкретном анализе симптомов неврозов, проявили свою научную ценность в дефиниции и объяснении феноменов личности; здесь существует порядок положительной обусловленности, который объясняет множество аномалий в человеческом поведении и в то же время делает необоснованной для этих расстройств отсылку к органическому порядку, который, даже не смотря на то, что он является чисто теоретическим или просто мифическим, все еще является основой экспериментального метода для всей медицинской традиции.

По правде говоря, этому предубеждению, приписывающему психическому порядку эпифеноменальный характер, т. е. недействующий, способствовал недостаточный анализ факторов этого порядка, но именно в свете ситуации, определенной как эдипальная, такие случайности в истории субъекта приобретают то значение и важность, которые позволяют связать их с индивидуальной особенностью его личности; можно даже уточнить, что когда эти случайности воздействуют на эдипальную ситуацию в качестве травмы в ее эволюции, они вероятно повторяются в эффектах Сверх-Я; если же они воздействуют на нее как нетипичности по своему устройству, то они отражаются вероятно в формах Идеала Я. Таким образом, в виде подавлений творческой деятельности или в виде возврата сексуального воображения, большое количество нарушений, многие из которых проявляются на уровне элементарных телесных функций, нашли свое теоретическое и терапевтическое ограничение.

## СЕМЬЯ ПО ФРЕЙДУ

Открытие того, что такие важные для человека явления, как сексуальное подавление и психический пол, подчинены регулированию и случайностям психической драмы семьи, должно было внести наиболее ценный вклад в антропологию семейной группы, особенно в изучение запретов, которые эта группа повсеместно формулирует и которые имеют своей целью сексуальную торговлю между некоторыми из ее членов. Более того, Фрейд быстро пришел к формулированию теории семьи. В ее основе было несоответствие, появившееся с первых исследований, в положении двух полов по отношению к Эдиповому комплексу. Процесс, который идет от Эдипова желания до его вытеснения, кажется таким же простым, каким он был впервые показан, только у ребенка мужского пола. Поэтому последнее постоянно берется в качестве основания при дидактических изложениях комплекса.

На самом деле эдипальное желание оказывается гораздо более интенсивным у мальчика и, следовательно, направлено на мать. С другой стороны, подавление обнаруживает в своем механизме черты, которые на первый взгляд кажутся оправданными только в том случае, если в своей типичной форме механизм передается от отца к сыну. Это является фактом комплекса кастрации.

Комплекс кастрации. Это подавление происходит посредством двойного эмоционального движения субъекта: агрессии против родителя, по отношению к которому его сексуальное желание ставит его в положение соперника; и, ощущаемый в ответ, вторичный страх агрессии подобного. Теперь фантазм поддерживает эти два движения, настолько замечательно, что выделяется с ними в так называемом комплексе кастрации. Если этот

термин может быть оправдан агрессивными и подавляющими целями, проявляющимися в этот момент Эдипова комплекса, то он, тем не менее, мало соответствует тому фантазму, который представляет собой его первоначальное обстоятельство. Этот фантазм состоит, по существу, в повреждении части тела, то есть в жестоком обращении, которое может быть использовано только для кастрации самца. Но мнимая реальность этой опасности в сочетании с тем фактом, что угроза ее действительно формулируется воспитательной традицией, должна была привести Фрейда к пониманию ее прежде всего как испытываемую, из-за ее реальной ценности, и распознать в страхе, внушаемом мужчине женщиной, фактически отцом, прототип Эдипова подавления.

На этом пути Фрейда поддерживали данные социологии: запрет инцеста с матерью носит всеобщий характер не только благодаря бесконечно разнообразным и часто парадоксальным родственным отношениям, которые первобытные культуры закрепляют как табу инцеста, но опять же, каков бы ни был уровень нравственного сознания в культуре, этот запрет всегда четко формулируется, и нарушение подвергается постоянному осуждению. Вот почему Фрейд признает в табу матери изначальный закон человечества.

Миф первоначального отцеубийства. Вот как Фрейд совершил теоретический скачок, заблуждение которого мы отметили во введении: от супружеской семьи, которую он наблюдал у своих пациентов, к гипотетической первобытной семье, задуманной как орда, в которой доминирует самец благодаря своему биологическому превосходству, присвоив половозрелых самок. Фрейд основывается на связи, наблюдаемой между табу и обрядами в отношении тотема, попеременно являющегося объектом неприкосновенности и жертвенной оргии. Он воображает себе драму убийства отца сыновьями, за которым следует посмертное освящение убийцами его власти над женщинами, убийцами, которые являются узниками неразрешимого соперничества: первобытное событие, когда из табу на мать возникли бы все моральные и культурные традиции.

Даже если бы эта конструкция не была разрушена отдельными требованиями принципа, который она заключает в себе, — даже если приписать биологической группе возможность, что она управляется справедливо от момента ее основания, посредством признания закона, — его предполагаемые биологические предпосылки, а именно постоянная тирания, осуществляемая вождем орды, будут сведены ко все более и более неопределенной иллюзии по мере того, как будут продвигаться наши знания об Антропоидах. Но прежде всего повсеместно присутствующие следы и продолжительное сохранение матриархальной структуры семьи, существование в ее ареале всех основных форм культуры и особенно часто весьма жесткое подавление сексуальности показывают, что порядок человеческой семьи имеет основы не связанные с силами мужчины.

Несмотря на это, нам кажется, что огромный урожай фактов, который Эдипов комплекс позволил конкретизировать за каких-нибудь пятьдесят лет, может пролить свет на психологическую структуру семьи в большей степени, чем слишком поспешные интуитивные догадки, которые мы только что изложили.

## ФУНКЦИИ КОМПЛЕКСА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕСМОТР

Эдипов комплекс оставляет свой след на всех уровнях психики; но теоретики психоанализа не дали однозначных определений функциям, которые он там выполняет; это можно объяснить отсутствием достаточно глубоких систем развития, с помощью которых они его объясняют. Если действительно они считают комплекс осью, по которой *эволюция сексуальности* проецируется в *конституирование реальности*, эти две системы

расходятся в человеке с особой случайностью, которая, безусловно, признается ими как *вытеснение сексуальности* и *сублимация реальности*, но должна быть интегрирована в более строгую концепцию этих докладов по структуре: роль созревания, которую играет комплекс в обеих системах, можно считать параллельной лишь приблизительно.

## СОЗРЕВАНИЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Психический аппарат сексуальности впервые раскрывается у ребенка в самых нелепых формах по отношению к его биологическим целям, и последовательность этих форм свидетельствует о том, что именно путем постепенного созревания он приспособливается к генитальной организации. Это созревание сексуальности воздействует на Эдипов комплекс, формируя его основные стремления, но, также и наоборот, комплекс содействует сексуальности, направляя ее на свои объекты.

Движение Эдипова комплекса происходит, по сути, через треугольный конфликт в субъекте; мы уже видели, как игра стремлений, возникающая при отнятии от груди, приводит к похожему образованию; также это мать - которая является первичным объектом этих стремлений, подобно пище, которая должна быть поглощена, и даже подобно лону, в которое нужно снова всосаться - первой предлагает себя эдипальному желанию. Таким образом, мы понимаем, что это желание лучше наблюдается у мужчин, но также и то, что оно предоставляет исключительную возможность восстановления стремлений отнятия от груди, то есть стремлений к сексуальной регрессии. Эти стремления на самом деле представляют собой не только психологический тупик; кроме того, они особенно противостоят здесь установке на экстернизацию, соответствующую активности самца.

Напротив, у представителей другого пола эти стремления имеют возможное следствие в биологической судьбе субъекта, материнский объект, отклоняя часть Эдипова желания, несомненно, стремится нейтрализовать потенциал комплекса, и, тем самым, его эффекты сексуализации, но, навязывая смену объекта, генитальное стремление лучше отделяется от примитивных стремлений и тем легче, что ему не нужно ниспровергать позицию интериоризации, унаследованную от этих нарциссических стремлений. Таким образом, приходим к двусмысленному выводу, что при переходе от одного пола к другому, чем более явным является формирование комплекса, тем более случайной оказывается его роль в сексуальном приспособлении.

## КОНСТИТУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Мы видим здесь влияние психологического комплекса на жизненные отношения, и именно благодаря этому он способствует конституированию реальности. То, что он привносит в нее, ускользает от терминов интеллектуалистского психогенеза: это некая эмоциональная глубина объекта. Измерение, которое находится на заднем плане любого субъективного понимания, нельзя было бы выделить из него в качестве явления, если бы клиника душевных болезней не помогла бы нам понять его как нечто в виде предложенной всей серии его деградаций до пределов понимания.

Чтобы действительно составить норму пережитого, это измерение может быть реконструировано только с помощью метафорических догадок: концентрация, которая придает объекту существование, перспектива, которая дает нам ощущение его отдаленности и внушает нам уважение к объекту. Но оно проявляется в тех колебаниях реальности, которые стимулируют бред: когда объект стремится слиться с Я и в то же время снова поглотиться фантазмом, когда он кажется расчлененным в соответствии с

одним из тех чувств, которые образуют спектр нереальности, от чувства необычности, уже виденного (*déjà-vu*), никогда не виденного (*jamais-vu*), пройдя через ложные узнавания, иллюзии двойника, чувства божественности, причастности, влияния, предчувствия смысла, чтобы закончиться закатом мира и тем эмоциональным уничтожением, которое в немецком языке формально обозначается как потеря объекта (*Objektverlust*).

Эти столь разнообразные качества переживаемого опыта психоанализ объясняет вариациями количества жизненной энергии, которую желание вкладывает в объект. Формулировка, какой бы словесной она ни казалась, отвечает для психоаналитиков данным их практики; они рассчитывают вместе с этими инвестициями в рабочий «перенос» на их излечение; именно на ресурсах, которые он предлагает, они должны основывать показания для лечения. Таким образом, они признали в приведенных выше симптомах признаки чрезмерно нарциссических инвестиций либидо, тогда как образование Эдипова комплекса явилось моментом и доказательством достаточных для «переноса» инвестиций.

Эта роль Эдипова комплекса коррелирует с созреванием сексуальности. Отношение, устанавливаемое генитальным стремлением, кристаллизует, в соответствии с его нормальным типом, жизненное отношение к реальности. Это отношение характеризуется терминами дар и жертва, терминами грандиозными, но значение которых остается двусмысленным и колеблется между защитой и отречением. Через них смелая концепция вновь находит тайное удобство морализаторской темы: при переходе от плена к самопожертвованию мы путаем удовольствие жизненного испытания и нравственного испытания.

Эту концепцию можно определить как аналоговый психогенез; она является конформной наиболее заметному недостатку аналитической доктрины: пренебрежению структурой в пользу динамизма. Тем не менее сам аналитический опыт вносит вклад в изучение психических форм, демонстрируя их связь — либо условий, либо решений — с эмоциональными кризисами. Дифференцируя формальную игру комплекса, можно установить между его функцией и важной для него структурой драмы, более прочную связь.

## ПОДАВЛЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Несмотря на то, что Эдипов комплекс обозначает собой вершину инфантильной сексуальности, он также является движущей силой вытеснения, которое сокращает его образы до латентного состояния до периода полового созревания; если же он детерминирует сгущение реальности в смысл жизни, то это также является моментом сублимации, которая у человека открывает этой реальности ее бескорыстное разветвление.

Формы, в которых увековечены эти эффекты, обозначаются как Сверх-Я или Идеал Я, в зависимости от того, являются ли они бессознательными или сознательными для субъекта. Как говорится, они воспроизводят образ родителя того же пола, Идеал Я, тем самым способствует сексуальному следованию правил психики. Но образ отца должен был бы, согласно доктрине, в этих двух функциях иметь прототипическую роль из-за доминирования мужчины.

Согласно этой концепции, подавление сексуальности, как мы видели, основано на фантазии кастрации. Если доктрина связывает ее с реальной угрозой, то прежде всего

потому, что, Фрейд, как гениальный динамист, распознав стремление, остается закрытым традиционным атомизмом для понимания автономии форм; именно поэтому, наблюдая существование фантазма подобного у маленькой девочки или фаллического образ матери у обоих полов, он вынужден был объяснять эти факты ранними разоблачениями господства мужчины, разоблачениями, которые бы говорили о том, что маленькая девочка ностальгирует о мужественности, а ребенок воспринимает как мужественную свою мать. Происхождение, которое, чтобы найти основание для идентификации, требует использования таких дополнительных механизмов, что кажется ошибочным.

Фантазм фрагментации. Однако материал аналитического опыта наводит на другую интерпретацию; фантазме о кастрации фактически предшествует целая серия фантазий о фрагментации тела, которые появляются, сокращаясь от распада и расчленения, через выпотрошение и вспарывание живота, до пожирания и погребения.

Изучение этих фантазий показывает, что их серия является частью формы постижения с деструктивным и в то же время исследовательским смыслом, который нацелен на тайну материнской груди, в то время как это отношение переживается субъектом более амбивалентным способом, пропорциональным его архаичности. Но исследователи, которые лучше всех поняли материнское происхождение этих фантазий (Мелани Кляйн), сосредотачиваются только на симметрии и на дополнении, которое они приносят в формирование Эдипова комплекса, обнаруживая, например, у мальчиков тоску по материнству. Их интерес заключается в наш взгляд в очевидной нереальности их структуры: рассмотрение этих фантазий, обнаруживаемых во сне и в некоторых побуждениях, позволяет утверждать, что они относятся не к какому-либо реальному телу, а к странному манекену, к причудливой кукле, к собранию конечностей, в котором мы должны признать нарциссический объект, происхождение которого мы упоминали выше: обусловленный у человека появлением воображаемых форм тела перед овладением собственным телом, обладающими ценностью защиты, которой субъект наделяет эти формы, против тревоги жизненного разрыва, происходящего из преждевременности.

Материнское происхождение архаического Сверх-Я. Фантазия кастрации связана с этим же объектом: его форма, рожденная до любого выявления собственного тела, до всякого опознавания угрозы со стороны взрослого, не зависит от пола субъекта и скорее определяет, чем подвергается принципам воспитательной традиции. Он представляет собой защиту, которую нарциссическое Я, идентифицированное со своим зеркальным двойником, противопоставляет возобновлению тревоги, которая в первый момент Эдипова комплекса потрясает его: кризис, вызванный не столько вторжением генитального желания у субъекта, сколько объектом, который снова обретает актуальность из-за этого желания, а именно матерью. На тревогу, вызванную этим объектом, субъект отвечает повторным воспроизведением мазохистского отвержения, с помощью которого он преодолел свою первоначальную утрату, но он оперирует ею в соответствии с приобретенной структурой, то есть при нахождении стремления в воображаемом.

Такое происхождение сексуального подавления не лишено социологической отсылки: оно выражается в обрядах, посредством которых первобытные люди показывают, что это подавление лежит в основе социальной связи: праздничные обряды, которые, чтобы высвободить сексуальность, обозначают своей оргастической формой момент эмоциональной реинтеграции в Целое; обряды обрезания, для одобрения половой зрелости, демонстрируют, что человек может получить к ней доступ только ценой телесных увечий.

Чтобы дать определение на психологическом уровне происхождению подавления, мы должны признать в фантазии о кастрации обуславливающую его воображаемую игру, а в матери — объект, который его определяет. Именно радикальная форма контрпульсаций раскрывается в аналитическом опыте как наиболее архаичное ядро Сверх-Я и представляет собой самое массивное вытеснение. Эта сила распределяется по мере дифференциации этой формы, т. е. по мере того, как субъект реализует репрессивную инстанцию во власти взрослого; иначе нельзя было бы понять тот факт, по-видимому, противоречащий теории, согласно которому строгость, с которой Сверх-Я подавляет функции субъекта, имеет тенденцию устанавливаться обратно пропорционально реальной строгости воспитания. Несмотря на то, что Сверх-Я уже получает от одного только материнского подавления (повиновение отнятию от груди и сфинктерам) следы реальности, именно в Эдиповом комплексе оно выходит за пределы своей нарциссической формы.

## СУБЛИМАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Здесь представлена роль этого комплекса в сублимации реальности. Чтобы ее понять мы должны начать с того момента, когда доктрина показывает нам разрешение драмы, а именно с той формы, которую оно там обнаруживает, с идентификации. Именно благодаря идентификации субъекта с образом родителя того же пола, Сверх-Я и Идеал Я могут обнаруживать в опыте черты, соответствующие особенностям этого образа.

Доктрина видит в этом факт вторичного нарциссизма; она не отличает эту идентификацию от нарциссической идентификации: в обоих случаях происходит уподобление субъекта объекту; единственное различие, которое она видит, находится в формировании, с появлением Эдипового желания, более реального объекта, соответствующего лучше сформированному Я; из лишения этого желания, согласно принципам гедонизма, следует возвращение субъекта к его изначальной ненасытной ассимиляции, а из образования Я следует неидеальная интроекция объекта: образ, чтобы быть навязанным субъекту, располагается только с Я в двух исключениях бессознательном и идеальном.

Оригинальность Эдипальной идентификации. Тем не менее более структурный анализ Эдипальной идентификации позволяет распознать в ней более отличную форму. Прежде всего проявляется антиномия функций, которые родительский образ выполняет в субъекте: с одной стороны, образ угнетает сексуальную функцию, как показывает опыт, действие Сверх-Я против повторений стремлений остается бессознательным в той же мере, в какой стремления остаются подавленными. Он делает это в бессознательной форме. С другой стороны, образ сохраняет эту функцию, но защищенную ее собственным неузнаванием, поскольку Идеал Я представляет в сознании подготовку пути для его будущего возвращения. Таким образом, если стремление раскрывается в двух основных формах, бессознательности и неузнавании, в которых анализ научился его распознавать, то сам образ предстает в двух структурах, разрыв которых определяет первую сублимацию реальности.

Кроме того, невозможно переоценить здесь то, что объект идентификации здесь это не объект желания, но тот, который противопоставляется объекту желания в эдипальном треугольнике. Подражательная идентификация становится примирительной; объект садомазохистского участия отделяется от субъекта, дистанцируется от него в новой двусмысленности страха и любви. Но на этом шаге к реальности примитивный объект желания кажется ускользающим.

Этот факт определяет для нас оригинальность Эдиповой идентификации: нам кажется, что он указывает на то, что в Эдиповом комплексе не момент желания устанавливает объект в его новой реальности, а момент нарциссической защиты субъекта.

Этот момент, будучи причиной возникновения объекта, который его позиция представляет в качестве препятствия для желания, показывает, что он окружен ореолом трансгрессии, которая воспринимается опасной; этот объект представляется Я и опорой его защиты, и примером его триумфа. Вот почему этот объект обычно заполняет контур двойника, в котором Я впервые идентифицирует себя и посредством которого Я может путать себя с другим; объект обеспечивает безопасность Я, усиливая этот контур, но в то же время объект противодействует Я как идеалу, который имеет возможность то возвышать, то подавлять его.

Этот момент Эдипова комплекса обеспечивает прототип сублимации, как ролью скрытого присутствия, которую играет стремление, так и формой, которой прототип предполагает объект. Эта форма реагирует в каждом кризисе, в котором возникает для человеческой реальности смешение, загадку которого мы изложили выше: именно этот луч удивления преобразует объект, растворяя его эквиваленты в субъекте и предлагая его уже не как средство удовлетворения желания, а как полюс для творений страсти. Именно путем повторного сокращения такого объекта опыт достигает всей своей глубины.

Таким образом, серия антиномических функций формируется в субъекте с помощью главных кризисов человеческой реальности, чтобы включить в себя безграничные задатки его прогресса; если функция сознания, по-видимому, отражает первичную тревогу, а функция равенства отражает нарциссический конфликт, то функция примера, по-видимому, является оригинальным вкладом Эдипова комплекса.

Образ отца. Итак, сама структура Эдиповой драмы обозначает отца, как придающего функции сублимации ее самую выдающуюся и наиболее чистую форму. Образ матери в Эдипальной идентификации свидетельствует фактически о вмешательстве первичных идентификаций; образ отмечает их формами и их двойственностью, как Идеал Я, так и Сверх Я: так как у девочки подавление сексуальности более легко навязывает телесным функциям эту психическую фрагментацию, в которой можно определить истерию, так же и сублимация материнского образа имеет тенденцию превращаться при несостоятельности этой сублимации в чувство отвращения и систематическую заботу о зеркальном отражении.

В той степени, в которой образ отца является доминирующим, он поляризует в обоих полах наиболее совершенные формы Идеала Я, из которых достаточно указать, что они реализуют в мальчике идеал мужества, а в девочке идеал женственности. С другой стороны, мы можем подчеркнуть физические повреждения в ущербных формах этого образа, особенно те, которые представляют его калечащим или ослепляющим, чтобы отклонить энергию сублимации от ее творческого направления и способствовать ее заточению в каком-то идеале нарциссической целостности. Смерть отца, на какой бы стадии развития она ни произошла и в зависимости от степени завершенности Эдипова комплекса, способствует его истощению, парализуя развитие реальности. Опыт, связывающий эти причины с большим количеством неврозов и их серьезностью, противоречит теоретическому направлению, которое рассматривает угрозу отцовской силы в качестве главного фактора этих неврозов.

## КОМПЛЕКС И ЕГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Даже при том, что психологический анализ показал, что Эдипов комплекс должен быть понят в терминах его нарциссического прошлого, это не означает, что он формируется вне его социологического разнообразия. Наиболее решающий источник его психических эффектов следует из факта, что образ отца концентрирует в себе функции подавления и сублимации; но это результат социальной обусловленности, результат патерналистской семьи.

### МАТРИАРХАТ И ПАТРИАРХАТ

Семейная власть в матриархальных культурах представлена не отцом, но обычно дядей по материнской линии. Этнолог Малиновский, руководствуясь своими познаниями в области психоанализа, смог проникнуть в психические последствия этого факта: если дядя по материнской линии осуществляет это социальное покровительство как хранитель семейных запретов и инициатор племенных обрядов, то отец, освобожденный от какой-либо подавляющей функции, играет роль более дружественного покровителя, преподавателя мастерства и наставника смелости в начинаниях.

Такое разделение функций приводит к отличной от обычной уравновешенности психики, о чем свидетельствует автор, говоря об отсутствии неврозов у наблюдаемых им групп на островах северо-западной Меланезии. Эта уравновешенность удачно показывает, что Эдипов комплекс соотносится с социальной структурой, но он никоим образом не обеспечивает райский мираж, от которого социолог всегда должен себя предостерегать: гармонии, которую он допускает, на самом деле противостоит стереотипия, которой отмечены творения личности, от искусства до морали, в сходных культурах, и следует признать в этой обратной стороне, в соответствии с текущей теорией Эдипа, насколько над импульсом сублимации доминирует социальное подавление, когда эти две функции разделены.

Наоборот, поскольку отцовский образ инвестируется подавлением, он проецирует свою изначальную силу на те сублимации, которые должны его преодолеть; именно связывая развитие этих функций в такую антиномию, Эдипов комплекс получает свое богатство. Эта антиномия разыгрывается в индивидуальной драме, мы увидим, что она там подтверждается эффектами распада; но эти последствия прогресса, интегрированные в огромное культурное наследие, выходят далеко за рамки этой драмы: обычные идеалы, правовые положения, творческие вдохновения. Психолог не может пренебрегать этими формами, которые, в семейной паре концентрируя условия функционального конфликта Эдипова комплекса, реинтегрируют в психологическом прогрессе социальную диалектику, порожденную этим конфликтом.

То, что изучение этих форм ссылается на историю, уже является данностью нашего анализа; именно к проблеме структуры мы должны отнести тот факт, что свет исторической традиции полностью освещает только труды патриархов, в то время как он лишь немного проливает свет на расплывчатые границы периферии — той самой периферии, на которой остается исследование Бахофена — матриархат, который повсеместно лежит в основе античной культуры.

Открытие социальных связей. С этим фактом мы приблизились к тому, что Бергсон определил в качестве критического момента в основах морали; мы понимаем, что он вернулся к ее функции социальной защиты это «всецелое обязательство», которым он обозначает звено, замыкающее человеческую группу в ее согласованности, и что,

напротив, он признает трансцендентальный импульс жизни в любом движении, которое раскрывает эту группу, универсализировав эту связь; двойной источник, обнаруженный абстрактным анализом, несомненно обращенный против формалистических иллюзий, но остающийся ограниченными рамками абстракции. Теперь, если психоаналитик и социолог, имея опыт, могут распознать в запрете матери конкретную форму первобытного обязательства, то также они и могут объяснить реальный процесс «открытия» социальной связи при патриархальной власти, сказав, что с помощью функционального конфликта Эдипова комплекса эта власть вводит в подавление идеал обещания.

Если ссылаются на обряды жертвоприношения, посредством которых первобытные культуры, даже достигшие высокой социальной концентрации, осуществляют фантазии о первобытных отношениях с матерью с самой жестокой суровостью расчленяя человеческих жертв или закапывая их заживо, они прочтут более чем в одной мифе, что появление отцовской власти отвечает характеру примитивного социального подавления. Этот смысл, читаемый в мифической двусмысленности жертвоприношения Авраама, который, кроме того, формально связывает его с выражением обещания, проявляется в мифе об Эдиповом комплексе в не меньшей степени, если мы не пренебрегаем не менее двусмысленным эпизодом со Сфинксом, воспроизводящем освобождение от матриархальной тирании и упадке обряда королевского убийства. Какова бы ни была их форма, все эти мифы находятся на заре истории, вдали от зарождения человечества, от которого их отделяет незапамятное существование матриархальных культур и застой первобытных групп.

Согласно этой социологической отсылке, факт пророчества, к которому Бергсон прибегает в истории, особенно известной среди еврейского народа, понимается избранной ситуацией, созданной для этого народа, состоящей в том, чтобы быть держателем патриархата среди групп, приверженных материнским культам, своей судорожной борьбой за сохранение патриархального идеала с неудержимым соблазном этих культур. На протяжении всей истории патриархальных народов мы видим, таким образом, диалектическое утверждение в обществе требований личности и универсализацию идеалов: свидетельство этого прогресса можно найти в юридических формах, которые увековечились так сильно в элементах власти и в сознании миссии, управляемой древним Римом и которая была реализована уже революционным распространением моральных привилегий патриархата на огромное количество плебеев и на все народы.

## СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК И СЕМЕЙНАЯ ПАРА

Две функции в этом процессе отражаются в структуре самой семьи: традиция привилегированных форм брака в патриархальных идеалах; апофеотическая экзальтация, которую христианство привносит в условия человека. Церковь интегрировала эту традицию в мораль христианства, поставив свободный выбор человека на первый план в брачной связи, тем самым заставив институт семьи сделать решительный шаг к своему современному устройству, а именно тайному перевороту своего социального преобладания в пользу брака. Этот поворот произошел в 15 веке с экономической революцией, в результате которой возникло буржуазное общество и психология современного человека.

Именно отношения между психологией современного человека и супружеской семьей предлагаются для изучения психоаналитику; этот человек является единственным объектом, который психоаналитик в действительности подвергает своему опыту, и если он находит в нем психическое отражение самых первобытных состояний человека, то может ли он претендовать на то, чтобы вылечить его от его психических недостатков, не

понимая его в той культуре, которая предъявляет к нему высочайшие требования, не понимая таким же образом своего собственного положения по отношению к этому человеку на крайней точке научной позиции?

Теперь, в наше время, меньше, чем когда-либо, человек западной культуры не может понять себя вне антиномий, которые составляют его отношения с природой и с обществом: как вне их невозможно понять и ту тревогу, которую человек выражает в чувстве прометеевой трансгрессии условий своей жизни и высших представлениях, в которых он преодолевает эту тревогу, признавая, что он создает себя и свои объекты с помощью диалектических кризисов.

Роль семейного образования. Это подрывное и критическое движение, в котором человек реализует себя, находит свой наиболее активный источник в трех состояниях супружеской пары.

Поскольку супружеская семья воплощает авторитет в следующем поколении и в семейной фигуре, она помещает этот авторитет в пределах непосредственного диапазона творческого низвержения. Самое обычное наблюдение позволяет нам видеть это в инверсиях, которые ребенок представляет себе в порядке поколений, где он заменяет себя родителем или дедушкой (бабушкой).

С другой стороны, психика формируется как образом взрослого, так и вопреки его ограничениям: это воздействие действует через передачу Я-идеала, причем в наиболее чистом виде, как мы сказали, от отца к сыну; он предполагает положительный отбор склонностей и дарований, постепенное осуществление идеала в характере. Именно этому психологическому процессу обязан факт существования семей выдающихся людей, а не мнимой наследственности, которую нужно было бы признать ответственной лишь за относительные способности.

Наконец, и прежде всего, доказательство сексуальной жизни среди тех, кто представляет моральные ограничения, необычайный пример трансгрессии образом отца изначального запрета поднимает в высшей степени напряжение либидо и масштабы сублимации.

Это значит наиболее гуманным образом воплотить конфликт человека с его самой первобытной тревогой, это значит предложить ей наиболее лояльное закрытое поле, где он может соотнести себя с самыми глубокими фигурами своей судьбы, это значит разместить в пределах своего индивидуального существования наиболее полное торжество над своим первоначальным рабством – вот как комплекс супружеской семьи создает высшие достижения характера, счастья и творений.

Придавая наибольшую дифференциацию личности перед латентным периодом, комплекс привносит в социальные противостояния этого периода их максимальную эффективность для рационального формирования личности. Мы действительно можем считать, что воспитательное воздействие в этот период воспроизводит игру нарциссических эквивалентностей, в которой родился мир объектов в более полной реальности и под высшими сублимациями логики и справедливости. Чем разнообразнее и богаче реальности, бессознательно интегрированные в семейный опыт, тем более формирующей будет для разума работа по их ослаблению.

Таким образом, если психоанализ демонстрирует в моральных условиях творчества революционный фермент, который можно уловить только в конкретном анализе, то для его создания психоанализ опознает в семейной структуре силу, которая выходит за рамки

любой образовательной рационализации. Факт социального обучения с тоталитарными претензиями заслуживает того, чтобы быть предложенным теоретикам — к какой бы стороне они ни принадлежали — для того, чтобы каждый мог сделать вывод по своему желанию.

Упадок отцовского образа. Роль образа отца поразительно прослеживается в формировании большинства великих людей. Стоит отметить его литературное и нравственное влияние в классическую эпоху прогресса, от Корнеля до Прудона; а идеологи, которые в XIX веке обрушили на патерналистскую семью наиболее подрывную критику, не несут на себе ни малейшего его отпечатка.

Мы не входим в число тех, кто скорбит о предполагаемом ослаблении семейных уз. Разве это не важно, что семья должна быть сведена к своей биологической группе, в той степени, в которой она интегрирует самые высокие культурные достижения? Но нам кажется, что большое количество психологических эффектов происходит от социального упадка отцовского образа. Упадок, обусловленный возвратом на личность крайних последствий общественного прогресса, упадок, который наиболее отчетливо можно увидеть в наши дни в сообществах, которые больше всего пострадали от этих последствий в результате экономического спада и политических катастроф. Не был ли этот факт сформулирован главой тоталитарного государства как аргумент против традиционного образования? Упадок более тесно связан с диалектикой супружеской семьи, поскольку он является результатом относительного роста брачных требований, очень заметного, например, в американской жизни.

Каким бы ни было будущее, этот упадок образует психологический кризис. Возможно, именно с этим кризисом мы должны связать появление самого психоанализа. Возвышенной вероятности гениальности, быть может, недостаточно для того, чтобы объяснить, почему это произошло в Вене — тогдашнем центре государства, которое было плавильным котлом самых разнообразных семейных форм, от последних агнатических группировок славянских крестьян до самых редуцированных форм мелкобуржуазного хозяйства и наиболее подвергшихся упадку форм неустойчивого хозяйства, проходящих через феодальный и торговый патернализм, — так представил себе сын еврейского патриархата Эдипов комплекс. Как бы то ни было, именно формы неврозов, господствовавшие в конце прошлого века, выявили их тесную зависимость от условий семьи.

Начиная со времени первых фрейдовских открытий, эти неврозы, по-видимому, развивались в направлении характерного комплекса, где как исходя из специфичности его формы, так и исходя из его генерализации — он является ядром огромного числа неврозов — в котором мы можем распознать главный современный невроз. Наш опыт подводит нас к тому, чтобы распознать главную причину в личности отца, всегда в чем-то недостающей, отсутствующей, униженной, разделенной или фальшивой. Именно этот недостаток, согласно нашему пониманию Эдипова комплекса, истощает инстинктивное устремление, а также наносит ущерб диалектике сублимации. Зловещие крестные, помещенные в колыбель невротика, Бессилие и Утопический дух заточают его амбиции, либо потому, что он подавляет в себе те творения, которых ждет мир, из которого он происходит, либо потому, что в объекте, против которого он намеревается восстать, он не узнает свою собственную активность.

Жак М. Лакан  
Бывший глава клиники Факультета Медицины